

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАРОДА КАК НОСИТЕЛЯ СУВЕРЕНИТЕТА**М.Ю. Бурдин,***проректор, Харьковский национальный университет внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент*

Категория «суверенитет народа» нашла достаточное отражение как в многочисленных национальных законодательных актах, так и в научных исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Преамбула ныне действующей Конституции Украины провозглашает, что Верховная Рада Украины «от имени украинского народа – граждан Украины всех национальностей, выражая суверенную волю народа, опираясь на многовековую историю украинского государственного строительства и на основе осуществленного украинской нацией, всем украинским народом права на самоопределение» принимает Основной Закон Украины. Подобные положения содержат и конституционные акты многих других стран. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что в современных исторических реалиях понятие народного суверенитета является устоявшимся и общепризнанным. Вместе с тем, существует ряд проблемных вопросов, связанных как со смысловым наполнением данного понятия, так и с его практическим воплощением. В частности, остается открытым вопрос об ответственности народа как источника и носителя суверенной власти.

Убеждения и взгляды относительно места народа в системе отношений власти и подчинения существенно разнятся – от его восприятия преимущественно в качестве объекта социального управления, от которого мало что зависит, до абсолютизации его авторитета и непогрешимости (можно вспомнить такие высказывания, как «народ никогда не ошибается», «глас народа – глас Божий», «голос народа – голосовести и истины»). Полагаем, что с идеей народного суверенитета несовместимы только первая позиция, но и вторая, если рассматривать суверенитет не как абсолютную, ничем не ограниченную и безусловную власть (точка зрения Бодена) [1, с. 19–21], а как политико-правовую категорию, предполагающую наличие прав, обязанностей, ограничений и ответственности.

Существует немало противников идеи ответственности народа как субъекта политических отношений. Например, О.Э. Лейст отмечает, что «использование понятия и термина «ответственность» в сфере публичного права целесообразно лишь для обозначения прямой зависимости, подчиненности и отчетности одного государственного органа по отношению к другому (например, ответственность правительства перед высшими органами государства)» [2, с. 37]. Бывший член Конституционного совета Франции Ф. Люшер убежден, что выражение «суверенитет принадлежит народу» является фикцией, поскольку только индивид воспринимается как чувственная реальность, а народ, нация как собирательные понятия есть не что иное, как конструкции человеческого разума [3, с. 342]. М.А. Краснов полагает, что ответственность народа – это даже не юридическая фикция, а химера. По мнению автора, понятия «народный суверенитет»,

«народ», «воля народа», «общая воля» являются достаточно условными, они не имеют четких смысловых границ. Поэтому необходимо остерегаться использовать их в таком духе, будто речь идет о чем-то строго установленном, имеющем ясное содержание. И потом, ответственность предполагает свободу воли и свободу выбора. А всегда ли у народа есть выбор? Кроме того, идея ответственности народа обеляет власть, снимает с нее ответственность, позволяет спекулировать понятием «народ» и скрываться за ним [4, с. 15–17].

В противовес представленным выше воззрениям, существует достаточное количество и сторонников идеи ответственности народа. Г. Гессе утверждал, что народ не может и не должен быть управляемым или насилуемым объектом; наоборот, он обязан быть правомочным и ответственным субъектом [5, с. 294]. Г. Кельзен в своем обосновании коллективной ответственности индивидов, образующих население государства, опирался на представление о государстве как юридическом лице (корпорации). По его мнению, проблемы государства как юридического лица, т.е. как субъекта прав, обязанностей и ответственности – это фактически такие же проблемы, что имеются и у обычной корпорации (сообщества людей, которое наделяется правом порядком особыми обязанностями и субъективными правами, не могущими быть обязанностями и субъективными правами составляющих это сообщество отдельных индивидов) [6, с. 117]. Я.М. Магазинер, ссылаясь на исследования Л. Мишу, Л. Дюги, Н.И. Лазаревского, для которых государство выступало как бы обществом взаимного страхования, писал: «В том-то и заключается идея взаимно-страхового союза, каким является государство, что все должны отвечать за убытки, постигшие каждого, и каждый должен участвовать в бедствии, постигшем всех, – что и есть общественная солидарность» [7, с. 175–176]. К. Ясперс, посвятивший рассматриваемой проблеме специальный труд «Вопрос вины. О политической ответственности Германии» настаивает на том, что в современном государстве действует презумпция политической ответственности народа. По мысли автора, с одной стороны, народ не бывает преступником и его невозможно привлечь к уголовной ответственности, но, с другой стороны, коллективная политическая ответственность неснимаема с народа, она всегда на нем и от нее никуда не уйти. Любой человек действует в современном государстве политически: как минимум тогда, когда участвует в выборах или воздерживается от участия в них. Каждый человек солидарно отвечает за то, как им управляют, даже если он аполитичен, находится в оппозиции к власти или борется против существующего режима. Никто не свободен от ответственности, поскольку каждый является неотъемлемой частью политического порядка [8, с. 23–25, 41].

Полагаем, что категория «суверенитет народа» не может быть признана полной, если из нее исключить положение об ответственности народа. Однако, говоря об ответственности народа как носителя суверенитета, необходимо проводить четкую грань между понятиями «население» и «народ». М.А. Краснов верно, на наш взгляд, обращает внимание на тот момент, что выделение населения как одного из базовых признаков государства нуждается в уточнении. Например, оккупированная территория не является государством, хотя формаль-

но тут присутствуют и территория, и власть, и население. Речь должна идти не о населении, а о народе, у которого есть чувство некоего единства, который признает существующую власть как свою независимо от того, нравится она или не нравится [4, с. 13]. Чтобы рассматриваться как народ, население определенной территории должно соответствовать трем критериям субъектности социальной группы: 1) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способствующая формированию группового состояния как состояния преактивности, в частности, преддательности; 2) качество (способность) группы проявлять различные формы совместной активности и 3) качество (способность) группы к саморефлексии. А.Л. Журавлев выделяет несколько основных функций групповой саморефлексии: «Во-первых, это формирование в группе социально-психологического чувства «Мы», т.е. переживания членами группы своей принадлежности к ней, единства (процесса единения) со своей группой... Во-вторых, это формирование групповых социальных представлений о своей группе, её когнитивных оценок, суждений, мнений и т.п. ... В-третьих, групповая саморефлексия настраивает членов группы на разные формы совместной активности... В-четвёртых, групповая саморефлексия помогает членам группы более адекватно ориентироваться в социальной среде, в частности, оптимальнее адаптироваться к ней. Этому способствуют развиваемые групповой саморефлексией способности личности к более адекватным оценкам своей и чужих групп и их социальному сравнению» [9, с. 75–76]. Кроме того, народ должен иметь реальную возможность влиять на политические процессы в государстве, формула «народ – источник власти» должна быть наполнена конкретным политико-правовым смыслом.

Важным аспектом исследуемой проблемы является вопрос об инстанциях ответственности государственно-организованного народа. Л.С. Мамут, который в своих работах уделял большое внимание проблематике ответственности народа, выделяет три таких инстанции: история, международное сообщество, гражданин (человек). Государственно-организованный народ, который живет в современности, который присутствует в этом мире здесь и сейчас, ответствен прежде всего за настоящее. Но он прикосновенен к политической ответственности за свое прошлое; он прямо отвечает также за свое будущее. Отношение народа к своему прошлому выражается в памяти о нем или в его забвении, в принятии или отвержении его, в его переживаниях и оценках [10]. Народ отвечает и за то, что его ожидает в будущем, поскольку у него есть возможность выбора, критического осмысления и изменения полученного наследия. Иными словами, можно говорить о ретроспективной и перспективной ответственности народа.

Подводя итоги, следует отметить, что современное понимание политико-правовой категории «суверенитет народа» предполагает не только акцентирование внимания на полномочиях народа, на его праве формировать органы государственной власти, определять и изменять конституционный строй. Речь должна также идти об ответственности народа как носителя суверенитета. Это положение признается как на уровнях современных теоретико-правовых исследований, так и на законодательном уровне. В преамбуле Конституции Украины подчеркивается мысль о том, что Основной Закон страны принимается от имени народа,

с осознанием ответственности перед Богом, собственной совестью, предыдущими, нынешним и грядущими поколениями. В ст.12 Конституции Японии сказано: «свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими правами и свободами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния». Понимание этого будет способствовать национальной консолидации, формированию полноценного правосознания народа, развитию гражданской активности и общественно-политической инициативности.

Список использованных источников:

1. Левин, И.Д. Суверенитет / И.Д. Левин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 373 с.
2. Лейст, О.Э. Понятие ответственности в теории права / О.Э. Лейст // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 1994. – №1. – С.31–37.
3. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер; пер. с франц. – М.: Прогресс–Универс, 1993. – 384 с.
4. Краснов, М.А. Л.С. Мамут и вечные вопросы / М.А. Краснов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2 (54). – С. 7–17.
5. Гессе, Г. Письма по кругу : пер. с нем./ Г. Гессе. – М. : Прогресс, 1987. – 400 с.
6. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов. Вып. 2 / отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович ; Пер. с нем. С.В. Лезова. – М. : ИНИОН РАН, 1988. – 212 с.
7. Магазинер, Я.М. Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918-1922 гг. / Я.М. Магазинер. – Пг. : Кооперация, 1922. – XVI, 490 с.
8. Jaspers Karl. Schuldfrage. Von politischen Haftung. Deutschlands. – München: Piper, 1996. – 146 p.
9. Журавлев, А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы / А.Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2009. – Т.30., № 5. – С. 72–80.
10. Мамут, Л.С. Проблема ответственности народа / Л.С. Мамут // Вопросы философии. – 1999. – №8. – С.19–28.